

ум?.. Вы должны твердо заставить в умах то, что судьба этого мальчишка ожидает всех вас, славные воины и передовые мужи, если ваши пелады будете разрешать при помощи силы орусов. Отец им доверил единственного сына, а орусы вот что сделали!.. Мужик! Судьба народа, это — дело ведущих мужей. Дондук — Даши положил начало большому злу. Теперь орусы не оставят нас в покое. Великие беды несут нам орусы! Надо спасаться самим, надо спасать народ, ибо мы, ведущие, привели народ сюда, должны и вывести. Готовьтесь к уходу обратно в Эюнарию! Готовьте отпор ору-

сам! Не верьте ни одному орусцу; у них нет стыда! Ваши друзья — казаки, хасаки, мангаты, черкесы; их также завлакивает туман орусов.. Наш милый Ассарай любил и идею спать, ибо во сне он видывал вольную степь, родной хотон, голубое небо... Так запомните мои слова, слова старой спутницы великого Аюки: Зрите и во сне и на яву нашу степь вольною!..

— Слушаем Вас, аха-нойн-бана! — твердо и громко сказал нойн рода меркитов. В кибитке настала тишина. Нойны и степные наездники, сжав челюсти, тискали в руках головки кривых сабель..

Страна Прометея

Что такое «культура»? Что такое поле? Что такое «культурное поле»? Чем отличается культурное поле от дикого? Пойдемте в поле и присмотримся. — Вот заброшенный пустырь. Быть может, когда-нибудь и здесь росли полевые злаки; и заботливая рука старательно выпалывала плевелы и помогала полю давать добры всходы. Но сейчас — какие-то фантастические разросшиеся будяки и чертополохи торжествуют на всем пространстве пустыря. Кое-где проглянёт Бог весть как попавший сюда аютии глазок, местами скромной семей цветут незабудки.. но что значат эти убогие островки сравнительно с морем пустоцветов, колючек, крапивы и прочих проклятых Богом и природой дикарей, пышно овладевших землёю и отравляющих воздух своим нечистым дыханием?.. А вот, неподалеку, лежит возделанное — культурное — поле. И здесь каждый стебель хочет жить, хочет иметь солнце и влагу. Однако, при самом внимательном взгляде вы не найдете и следов той дикой борьбы и того отвратительного торжества сильнейшего (и наш худшего!), которое характерно для «дикого поля». И на возделанном поле встречаются сорные травы, но они робки и приниженны: они стелятся вдоль земли, ползут и лишь тогда счастливы, когда неприметны. Правда, по недосмотру случается иногда и среди возделанного поля заметить не в меру выросшего урода-пустоцвета. Но едва обнаруженный — он исчезает бесследно: его выкидывают прочь..

..Но что поле! Полевые масштабы ничтожны! Чтобы рассмотреть законы жизни культурного или дикого поля, вы должны исходить, нагибаться.. То ли дело лес! В лесу все нагляднее, яснее и проще. Представьте себе так называемый девственный лес, тропический или северный, вроде Сибирской тайги — безразлично. Представьте себе трагическую борьбу титанов — дубов или сосен, когда где то далеко наверху их ветви бьются за воздух и солнце, а внизу, на трудно обозримом пространстве, происходит непрерывная жестокая схватка миллионов корней и корешков — за жизнь за то, что бы «мне» отвоевать от «тебя» как можно больше питательных соков земли.. И нет никаких сдерживающих начал этой борьбы; они происходят в суровом молчании. Свидетели ее — другие деревья и кустарники, потухшие лианы, колоссальные травы.. все это не устает в смертельной схватке душить друг друга, ибо если не погибнешь ты, то погибну я; каждому кажется, что мир существует лишь для него и что мир — это и есть вот этот кусочек земли, воздуха и света, к завладению которого направлены все его силы. Так именно выглядит девственный лес; законы именно его суровые хищнические законы жизни. Но посмотрите на лес культурный. И здесь может быть разница между громадным дубом и маленькой

нежной березкой. Но перед Небом — они равнодостойны в своем стремлении шириться, расти и цвести. И если жизнь гигантского дуба не исключает жизни березки, то так случилось потому, что заботливая рука отвела достаточно места дубу и достаточно места березе. Возделанным, культурным этот лес стал после того, как между деревьями были установлены отношения взаимного признания права на жизнь, и счастье одного из них не строилось непременно на несчастье другого.

Я вспоминаю картины леса и поля невольно. Они сами приходят в голову. Когда я вижу громадный город — я говорю себе: вот дикий лес. Вот на этом месте, где сейчас воздвигается десятиэтажный дом, еще так недавно стояло два приземистых уютных дома. И я знаю, что в каждом из этих домов жила по семейству, и жизнь они здоровой радостной жизнью; одна семья бывала у другой и они делили между собой свои невзгоды и удачи.. А теперь тут будет стоять машина и десять этажей и сто пятьдесят квартир. Если сегодня ночью мой сосед по квартире приведет к себе столетнюю старуху в колье и алмазных серьгах, и изнасидует ее и потом зарежет, то я узнаю об этом лишь завтра или послезавтра, из газет. Газеты будут, конечно, обнародованы такому происшествию. Только подумайте: какое количество жирно набранных строчек!!!. Но условия жизни в десятиэтажном доме не изменятся. Через несколько дней или недель в другом этаже, какой-нибудь всеми любимым учителем или пастырем, по бедности и ничтожности своей профессии не имеющий прилуги, внезапно заболел, да так, что и встать не сможет. Ну, и что же?! На кого надежда у тебя, дорогой учитель? На почтальона, на случайного сборщика пелады или контролера электрической станции? Да, если они придут — ты спасен. А нет — ты можешь подышать спокойно. Ты — в десятиэтажной пустыне. И если все-таки судьба улыбнется тебе, и тебя отвезут в обществуемую больницу — будь покоен!!! Тебя не забудут; когда ты умрешь и смерть твоя даст несколько газетных строчек — за гробом твоим, пожалуй, пойдет, десяток повес и зевак, поверивших газетному писке, что ты знаменит и пользовался при жизни всеобщей любовью..

И вот, я иду по городу, как по дикому полю. Я вижу великодушное здание — это почта. Направо, у входа, лежит беззачетное существо. Оно продает газеты. Идет снег и снежинки надают на хрупкий товар беззачетного существа. Существо, боясь за товар, прячет его под почто, напоминающее шаль и служащее покровом от холода. А пока происходит эта незаметная драма, на ступеньках почты стоит молодой человек, нервно постукивающий каблучком лаковых ботинок. Он читает отдушивительно пахнущий листок бумаги какого-то необык-

повенного цвета, вроде золота, и морщит левую бровь. Письмо явно не доставляет ему удовольствия. Он почесывает отточенным ногтем мизинца наморщенную бровь. Я вижу на мизинце бриллиант - солитер...

Или вот еще поразительное и непонятное дело. Как это так? Вот идет вагон электрической дороги. И в вагоне этом сидят молодые сидачи - красавицы. Они одеты в костюмы спортсменок. Видимо, им просто некуда силы девать. Они нетерпеливы, они спешат поскорее добраться до края города, туда, где каток — если это зима; или — футбольное поле, если это лето... Трамвай словно чувствует молодое веселье и мчит, мчится разбрызгивая стальные скрипы, звоны и стуки колес. А вдоль линии трамвая идет дорожка. И по дорожке этой плетутся фигуры. Вот первая — это беременная женщина. Она с трудом передвигает ноги. Поглядимому, в ее корзинке бельё. Чье бельё? Свое? Чужое? Может быть, она прачка? Я не знаю. Но каждому видно, что нести живот и корзину — ей не по силам. А вслед за ней — ведомый собакой, идет слепец. На его груди нет надписи «слепец». Он не нищий; он просто старый солдат, лишившийся зрения. Он отдал свое зрение родине, т. е. между прочим и тем, кто в состоянии оплатить трамвайный билет. — Эй, — не унывай, солдат! Собака тебя не оставит!!! Но тяжеле всех — видеть согбенных столетних старух. Вот уж подлинно чудо!!! Многие из этих старух, что волочат ноги в стоптанных ботинках, вероятно, были сначала матерями, потом бабушками. Они в чреве своем носили будущий век. И вот, этот век пришел. Вот он, этот век, он едет на трамвае. Он торопится за город. Время — деньги. И сегодня, как и вчера, должно принести максимум удовольствия. Я плачу — я могу — я делаю. А бабушки могут не торопиться. И в самом деле: чего ж им спешить? Ведь они спешили б к могиле? разве есть у них что либо другое, кроме могилы? Кому нужны они.

Да... Нужно сознавать свои ошибки. У меня на Родине, на диком Кавказе, если молодёжь, спешившая на танцы в соседний аул, встречала на дороге старичье — она была так нерасчетлива, что уступала свои места в повозке. Глупее же всего было то, что очень часто молодёжь спешила в восточном направлении, а старичью нужно было «хлебать киселя» на юг. Вот тогда, действительно, разыгрывалась комедия! Эти дураки шли пешком на свои танцы, а подводу уступали старым бродягам!

Или я вспоминаю случай общественного помешательства. Это произошло осенью. Ранней осенью, когда заканчиваются полевые работы и каждый час дорожке золота. И вот надо же было Джамботу на селенье Чернопярского не во-время умереть! Его сердце, испорченное падением с коня на военной службе, разорвалось как раз перед тем, как вступила пора свозить снопы и молотить. Жена Джамбота, мальчишка семилеток и старая теща не знали: что делать? Хоронить ли козачка или убирать поле? Так вот односельчане Джамбота, как будто сговорившись и сошли с ума. Они согласились между собой и послали людей, из более слабых работников, помочь вдове похоронить мужа. А сами, изнемогая от работы на собственных участках, поздно вечером переходили на участок Джамбота и там, распе-

вая похоронную весну, с вечным припевом «орайда», убирали джамботово поле...

Забавно было наблюдать этих самых односельчан-черноярцев, когда они почезли на своих подводах обмолоченное их же руками джамботовское зерно на мельницу и там настроено приказали мельнику смолоть это зерно в первую голову. Прямо трудно понять: к чему и ради чего было потрачено столько времени и усилий? Как будто им кто то мог заплатить?? Ведь Джамботова вдова ни копейки не заплатила!

Непростительные глупости делались на этом самом диком Кавказе, как я вижу это сейчас, находясь в школе мировой цивилизации, в Европе.

Это я привел вступительную главу из книги К. А. Чхеидзе — «Страна Прометея». Уже в этой краткой главе, которая обыкновенно во всех книгах бывает наименее интересной, автор сумел дать несколько значительных мыслей, ряд красивых образов и несколько верных и характерных картин, сопроводив их горестной прозой.

Про эту книгу нельзя сказать, что она «вот тут хороша, здесь слаба», ибо хороша целиком; каждая страница ее доставляет читателю разнообразное ощущение, то радость, то восхищение, или подлинную грусть.

А подучилась она такою, видимо, потому, что автор написал ее, так сказать, без заранее обдуманного намерения, со всей любовью и искренностью изобразив в ней картины своей обожаемой родины — Кавказа, с натуры и точными штрихами набросав портреты его типов при зареве пожаров и хаосе кровавой борьбы народов и классов, когда величие и низменность человеческих душ из глубин выходят наружу.

Я не решаюсь определенно отнести эту книгу к какому-либо установленному виду литературного произведения. Едва ли это роман. В нем трудно уловить намеченный сюжет, почти никаких романов и нет планомерного разворачивания намеченного сюжета. По многочисленности героев, их как бы случайности и параллельности событий нельзя назвать его и повестью. Это ряд художественных очерков, бытовых картин, исторических моментов, связанных общностью некоторых героев. В общем получилось нечто красивое, оригинальное. Чтение «Страны Прометея» оставляет читателю ясно переживаемое удовольствие; она дает яркие картины о делах и людях Кавказа, какие трудно найти в длинных и подробных описаниях путешественников. Только любящий и благородный сын - художник мог так нарисовать портрет матери, как изобразил словами картины Кавказа Чхеидзе. В этой книжке евразец уступил место художнику - патриоту Кавказа. Чхеидзе, видимо, не будет принадлежать к тем писателям, которые быстро и часто пекут литературные блины; он, вероятно, гастроном, который будет подавать только нечто вкусное. Нужно посожалеть, что вторая книга его — «Люди, смотрящие на солнце» — вышла только на чешском языке, а русский оригинал лежит в ящике. «Страна Прометея» издана в Шанхае, в издательстве «Слово».

Шалвур Ниминов.

«Ковыльные Волны» есть печатный орган Калмыцкого народа, как союзной единицы федеративной Казанки, добровольно входящей в ее состав на началах равенства и братства. Кроме того, журн. «Ков. Волны» есть носитель идеи возрождения калм. народа, проповедник истории и культуры его, защитник национальных прав. Следовательно, И. Билий не имел права оскорблять национальные чувства калмыцких патриотов попыткой закрытия их единств. в эмиграции печатного органа. Только добровольное, разумное и братское сожительство народов дает положительные результаты и выдержит испытание в нашей совместной освободительной борьбе.

(Из циркулярного письма Окр. Атамана Болгарского ВК округа есаула П. Н. Кудинова, нынешнего Пред. ЦП).